

ВАЛЕРИЙ ШАМБАРОВ

РОССИЯ ПОЛНАЯ ИСТОРИЯ

ДЛЯ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ

Валерий Шамбаров

**Россия. Полная история
для семейного чтения**

«Алисторус»

2016

УДК 327 (470+571)
ББК 66.4(2)

Шамбаров В. Е.

Россия. Полная история для семейного чтения /
В. Е. Шамбаров — «Алисторус», 2016

ISBN 978-5-906861-54-2

Народ, утративший память о собственном прошлом, исчезает и рассыпается. А славная история нашей страны оказалась искажена и замусорена пропагандистскими мифами, политическими и идеологическими подтасовками, грязь и ложь отбивают интерес к ней у молодых поколений. Известный писатель Валерий Шамбаров на основе своих многолетних разработок создал уникальный труд – «Россия. Полная история для семейного чтения» – краткий, но чрезвычайно емкий. В предельно сжатом объеме представлен более чем тысячелетний путь нашей державы от ее формирования до революционной катастрофы 1917 года. Живым, доступным языком описаны ключевые события, основные фигуры, создававшие великую Россию, причем автор постарался очистить реальные картины от мифов и фальсификаций. Книга будет полезна как преподавателям и студентам гуманитарных вузов, так и всем, кто интересуется Истинной Историей нашей страны.

УДК 327 (470+571)
ББК 66.4(2)

ISBN 978-5-906861-54-2

© Шамбаров В. Е., 2016
© Алисторус, 2016

Содержание

Зачем нам история?	6
Любимый народный святой	8
Князь Рюрик – основатель династии	21
Почему Олег был «Вещим»?	31
Реформы св. княгини Ольги	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Валерий Шамбаров
Россия. Полная история
для семейного чтения

© Шамбаров В., 2016

Зачем нам история?

История – это наше прошлое. Но прошлое – не только то, что уже ушло и никогда не вернется. Это фундамент, на котором мы с вами строим настоящее, будущее. Причем в данном случае имеет место отнюдь не образное сравнение, ради красного словца. Хорошо известно, как в 1920-х и начале 1990-х попытались отбросить прошлое и строить на «чистом месте». Но получилось именно то, что бывает на пустом месте, без фундамента – на песке. Конструкции перекошило, они начали давать трещины и заваливаться. Хорошо известно и другое, что бывает с народом, забывшим и утратившим свою историю и культуру. Он исчезает. То есть люди остаются, но отрываются от родных корней, их больше ничто не связывает воедино, и они постепенно растворяются среди других народов. Подделав историю и традиционную культуру, можно искусственно изменить сам народ. Такая операция в 1915—1930-е гг. была целенаправленно осуществлена на Западной Украине, а сейчас проводится с остальными украинцами.

Но наш с вами исторический фундамент обладает еще одной особенностью. «Кирпичей», из которых он складывался, то есть событий, мы не видим. Они остались скрытыми от нас под слоями столетий и тысячелетий. Мы имеем лишь описания, составлявшиеся в разное время разными людьми. События кропотливо перечисляли летописцы, о них оставляли воспоминания очевидцы. Материал накапливался, дополнялся, частично погибал. В XVIII–XIX вв. появились исследователи, взявшиеся перерабатывать массу первичных документов, сводить их воедино. Появились полные «описания фундамента» России: труды, которые как раз и принято именовать фундаментальными, – Татищева, Карамзина, Ключевского, Иловайского и др. Эту работу с успехом продолжили советские историки...

Однако еще раз подчеркну: составляли историю конкретные люди. А для той или иной эпохи характерна своя система взглядов и оценок. Например, изучать жизнь средневековой Руси только по летописям весьма затруднительно. Монахов-летописцев никак нельзя упрекнуть в недобросовестности, но они были людьми своего времени, и сама их психология очень отличалась от нашей. Они видели окружающее совсем не так, как увидели бы мы. Причины и следствия искали не там, где искали бы мы. Непонятное для нас было для них само собой разумеющимся, обыденным.

Точно так же и в XVIII–XIX вв. господствовала своя психология, выработалась своя система взглядов. Очень отличающаяся от нашей, современной. Но авторы, создававшие фундаментальные труды по истории России, писали их не для нас, а для собственных современников. И писали, разумеется, так, как понимали они сами. Если у средневековых летописцев незыблемой основой мышления было православие, то для интеллигенции XIX столетия такой же непререкаемой истиной считалось либеральное западничество.

Под этим углом рассматривалась и отечественная история. Ученые данного времени всячески стремились согласовать свои описания с зарубежными взглядами на Россию. Главным критерием развития своей страны видели переход от национальных традиций к европейским. С позиций западничества старались переосмыслить и далекое прошлое, сменить оценки, которые признавали устаревшими, на более близкие и понятные для себя и окружающих.

Советская историческая наука очень много сделала для исследования и дополнения общей картины российского прошлого. Были подняты ранее неизвестные или не замеченные факты из архивных документов, особенных успехов достигла археология – только в советские годы она вышла в полной мере на научный уровень. Но и для этой эпохи была присуща такая же особенность, как для дореволюционной. Взгляд на историю под углом господствующих установок, переоценки прошлого с точки зрения изменившихся идеалов. Старый фундамент стремились состыковать с новыми моделями, по которым предполагалось строить будущее.

И вот наступил XXI век... Пришло другое время, и очень многое оно подвергло суровой проверке. Сближение с Западом обернулось горьким обманом и привело Россию к катастрофе 1917 г. Советские модели начали рушиться задолго до 1991 г. Субъективные проекты содержали ошибки, не соответствовали историческому фундаменту, и рано или поздно это приводило к обвалам.

Не случайно в наши дни наблюдается такой всплеск интереса к отечественному прошлому. Я, конечно, не имею в виду массу «желтой» литературы, рассчитанной только на псевдосенсации. Но и серьезных, действительно интересных трудов выходит предостаточно. Их авторы желают самостоятельно разобраться, найти ответы на вопросы, которые, как выясняется, были решены неудовлетворительно. Ведь получилось, что в течение двух с лишним веков Россия изучала собственную историю... чужими глазами. Сперва – глазами «просвещенных» немцев, французов, англичан и тех русских интеллигентов, которых они «просветили». Потом – глазами партийных идеологов. И наконец, американских советологов.

А в результате накапливались и насаивались искажения реальных событий. Вся история оказалась засорена тем, что В. Р. Мединский метко назвал «Мифами о России». Их много, от извечной «отсталости» и «забитости» до оклеветания ключевых политических фигур, от теории «норманнизма» до «ревизий» Великой Отечественной. В последние годы опубликовано большое количество работ, весьма грамотно и толково разбирающих их несостоятельность. Впрочем, стоит отметить еще один немаловажный аспект. Опровергая «мифы», мы как бы пытаемся оправдаться. Силимся доказать нашу невиновность. А перед кем? Перед тем же Западом? Перед лжецами и клеветниками? Перед теми из наших соотечественников, кто заразился комплексами неполноценности и самооплевывания?

А не слишком ли велика для них такая честь? Заслужил ли хоть кто-нибудь право, чтобы наш народ перед ним оправдывался? За себя, за своих замечательных предков, за свои великие свершения? История-то у нас одна, и стыдиться ее нам абсолютно нечего. Просто надо знать ее. Знать, чтобы отменить чужие сплетни и смотреть на нее с нашей собственной точки зрения. Восстанавливая национальную традицию, связывающую нас с истоками отечественной культуры и истории. Нашупывая тот самый забытый фундамент – надежный, прочный, существовавший и складывавшийся веками, на который смогли бы без опаски опереться и мы, и наши потомки.

Любимый народный святой

Николай Чудотворец

К кому из святых чаще всего обращаются верующие в нашей стране? Конечно же, к св. Николаю, архиепископу Мир Ликийских. Причем обращаются не напрасно, не впустую. Еще в XI в. киевский автор писал: «Прииди на Русь и виждь, яко несть ни града, ни села, идеже не бысть чудеса многа умножена святого Николы». Впрочем, чудеса происходят и сейчас. Только мы научились не замечать их. Включаем наше рациональное мышление и первым делом стараемся объяснить любое происшествие теми или иными вполне земными причинами, стечениями обстоятельств, наконец, случайностью. Наши далекие предки в данном отношении были мудрее. Если горячо молились о чем-то, и прошение исполнилось, какая же здесь случайность? И какие нужны еще доказательства? Св. Николая не зря называли Чудотворцем. А количество храмов, построенных и освященных в его честь, уступает только числу храмов, посвященных Пресвятой Богородице.

Хотя, казалось бы, какое отношение имеет он к России? Святитель жил далеко от нее. Он родился около 270 г. в Малой Азии, в городе Патары провинции Ликия. Сейчас это территория Турции, а тогда она входила в пределы Римской империи. Христианство в то время официально оставалось под запретом, но оно уже торжествовало, широко распространялось, и местные власти привыкали смотреть на него сквозь пальцы. Родители святого, Феофан и Нонна, тоже были христианами. Они были очень богаты, но долгое время не имели детей, усердно молились, раздавали милостыню. Дали обет, если родится ребенок, посвятить его Господу. Их молитвы были услышаны. Сына назвали в честь дяди Николая, он был в Патарах епископом.

Уже в младенчестве проявились необычные особенности мальчика. Во время обряда крещения он три часа простоял в купели, никем не поддерживаемый. Отказывался от груди в постные дни, по средам и пятницам. Он рано научился читать. От шумных игр со сверстниками и их проказ воздерживался. Углублялся в Священное Писание, целые дни проводил в храме. Дядя посоветовал отдать его для церковного обучения. Родители помнили свой обет и согласились. Св. Николай прошел низшие ступени церковной иерархии, чтеца и диакона. Дядя рукоположил его в священники. Он уже видел яркие задатки племянника. При совершении таинства священства предрек: «Блаженно то стадо, которое будет иметь такого пастыря!» Новый пастырь действительно проявил себя мудрым и усердным служителем церкви, умел понимать души прихожан. При этом был скромным, вел подвижнический образ жизни.

Дядя-епископ, уезжая в паломничество на Святую Землю, оставил его своим заместителем. Примерно в это время св. Николай потерял родителей, унаследовав от них весьма солидное состояние. Деньги он предназначил для помощи нуждающимся. Самый известный случай – с разорившимся купцом. Его семья стала голодать, и купцу взбрела идея поправить дела за счет трех собственных дочерей, устроить дом терпимости. Св. Николай узнал об этом, решил спасти отца и девушек от страшного греха. Он строго следовал евангельским заповедям не совершать добрых дел напоказ. Подкрался ночью к дому купца и бросил в окно узел с золотом. Отец не верил такому счастью, устыдился прежних мыслей и сумел выдать старшую дочь замуж, обеспечив ей приданое. Св. Николай повторил ночную прогулку, подбросил второй мешочек. Купец смог пристроить среднюю дочь. Но стал дежурить, чтобы увидеть, кто же ему помогает. Когда был подброшен третий узелок, он догнал и узнал святителя. Горячо благодарил его и Господа, каялся в грязных намерениях.

Мы не знаем, как св. Николай проходил пути духовного совершенствования. Молитвенные труды, посты, бдения совершались наедине, за закрытыми дверями. Известен лишь результат. Он получил от Бога великий дар чудотворения. По возвращении дяди тоже отпросился в паломничество в Палестину. На корабле предсказал страшный ураган и сумел укротить его. Молитвами воскресил упавшего с мачты и разбившегося матроса. Корабль причалил в Александрии, и о Божьем угоднике пошла молва. Он не отказывал обратившимся к нему людям,

исцелил несколько больных и бесноватых. Но стремился дальше к своей цели, посетил святыне места. Св. Николай надумал остаться здесь, уйти в пустыню, стать отшельником. Однако Господь дал ему знамение – нет, его путь служения иной, он должен вернуться на родину.

Никола Можайский (рельеф к. XVII – н. XVIII в.). Музей древнерусского искусства имени А. Рублёва

На обратной дороге он договорился с корабельщиками, заплатил за проезд, а его попытались обмануть. Не стали поворачивать в Ликий, поплыли в другую сторону. Св. Николай просил моряков одуматься – от него лишь отмахивались, ссылаясь на попутный ветер. Но он молился, и налетел мощный шквал, развернул корабль и прибил прямо к нужному месту. Корабельщики перепугались, просили прощения у столь могущественного пассажира. Он не держал зла, простил их. Направился в Сионский монастырь, основанный его дядей, хотел остаться там. Но опять услышал Глас Божий: монашество – не его поприще. Он должен идти в мир, к людям.

В родных Патарах его ждали бы почет, уважение, а св. Николай до сих пор силился избежать суетной славы. Он пошел в главный город Ликии, Миры, где его никто не знал. Жил нищим, истово молился, каждый день первым приходил в храм. Но однажды ему было видение – Сам Христос благословляет его Евангелием, а Пресвятая Богородица возлагает омофор ему на плечи. Вскоре в Мирах скончался архиепископ. Для выбора преемника съехались епископы со всей провинции. Но никак не могли договориться, кого же поставить вместо покойного. Устроили совместные моления, чтобы Бог указал лучшего кандидата. Одному из епископов явился ангел и поведал: на освободившуюся кафедру надо возвести человека, который первым придет в храм, и имя его будет Николай.

Будущий архиепископ, как обычно, пришел первым. На вопрос смиренно назвал свое имя. Узнав, на какой пост его прочтат, он долго отказывался. Но его упрашивали, рассказывали, каким необычным образом он избран, и он вспомнил свое видение. Понял: как раз на этот путь его наставляли Свыше. Он стал архиепископом, а для себя сделал вывод: до сих пор он трудился ради собственного спасения, но отныне должен трудиться для других.

Невзирая на высокий сан, он оставался очень скромным, просто одевался, трапезничал один раз в день по вечерам. А для людей двери его дома были открыты во всякое время. Он принимал каждого, кто нуждался в помощи. Прихожане получали от него и деньги, и важные советы. Он изгонял бесов, исцелял недужных. Но при этом врачевал и души. Прозорливо подсказывал, какой грех навлек ту или иную беду. А беседовать с людьми он умел. После одного лишь разговора с ним даже закоренелые нечестивцы и преступники старались исправиться, язычники обращались к истинной вере.

Суд над христианами. Рисунок на фреске из римских катакомб

Однако служение архиепископа в те времена означало не только почет и работу по устройству своей епархии. В 303 г. император Диоклетиан и его соправитель Галерий вспомнили прежние законы о запрете христианства, было издано четыре новых эдикта. Развернулись страшные гонения. Началась кампания в Никомидии, в день Пасхи там сожгли прямо в церкви массу собравшихся людей. Затем террор покатился по другим городам. Христиан хватали, подвергали пыткам, требуя отречься, за отказ обрекали на мучительные казни. Хоть и не сразу, кровавая волна дохлынула до Ликии. Вместе со многими прихожанами попал в темницу и св. Николай. Здесь добрый и скромный священнослужитель проявил себя железным борцом за веру. В переполненной камере терпел голод и жажду. Готовился принять мученический венец, укреплял в этом паству.

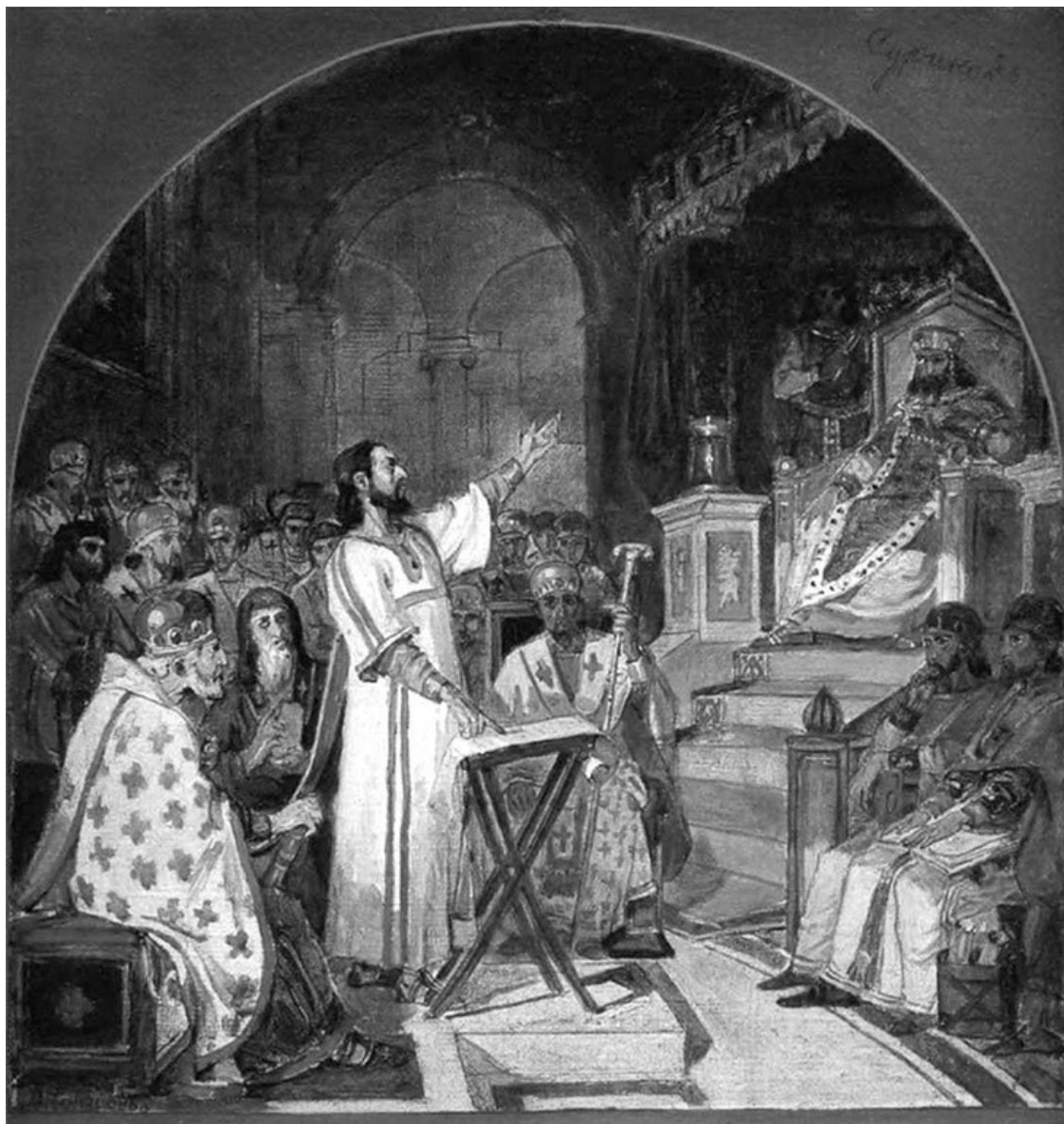
Но отдать жизнь в камере пыток или на площадях, где терзали христиан, ему было не суждено. Диоклетиан разочаровался в попытках вернуть разложившуюся Римскую империю к древнему величию, в 305 г. отрекся от власти. Галерий еще зверствовал, но тяжело заболел, прекратил казни. В 311 г. велел выпустить всех христиан – а за это пускай помолятся о его выздоровлении. Впрочем, гонения еще не завершились. Возобновить их вздумал Максенций, сменивший Галерия. Но раздуть масштабные репрессии он не успел. Против него выступили Константин, поднявший на знаменах знак Креста, и Ликиний. Разбили своего противника, в 312 г. издали Миланский эдикт, разрешавший христианские богослужения. В следующем году Максенций погиб.

Соправители разделили империю, восточная часть досталась Ликинию. Но через некоторое время он вздумал бороться с Константином. В пику ему снова возбудил преследования христиан. Опять лилась кровь мучеников, переполнялись тюрьмы. Но в войне Ликиний про-

играл, в 323 г. был свергнут и убит. Воцарился Константин – святой равноапостольный. Христианство он провозгласил государственной религией. Бросил прогнивший Рим, на Босфоре принялся возводить новую столицу, Константинополь, чисто христианский город. А местным властям царь разослал «Поучение об идолопоклонническом заблуждении».

И снова св. Николай проявил себя весьма жестким, воинствующим борцом за веру. Он лично громил языческие капища. В Мирах существовал храм богини любви Афродиты, почитаемый по всей Малой Азии очаг разврата – одним из видов служения богине считалась ритуальная проституция. Для «священного» дела приезжали девушки из хороших семей, высокопоставленные дамы. Под руководством св. Николая храм снесли до основания. Но бороться пришлось не только с язычеством. Христианство долгое время развивалось «подпольно», в разных областях действовали свои проповедники, возникло много разночтений в богословских вопросах. Родились и ереси.

В 325 г. император Константин созвал в Никее I Вселенский Собор. Вырабатывались единые догматы и принципы деятельности христианской церкви, принимался Символ Веры. Среди 318 иерархов, съехавшихся сюда, был и архиепископ Мир Ликийских. На заседаниях, продолжавшихся два месяца, при обсуждении Символа Веры закипела борьба с ересями, особенно с учением Ария. Он силился доказать, что у Христа не было Божественной природы, только человеческая. Самыми ревностными защитниками православия выступили св. Афанасий Александрийский и св. Николай Мирликийский. Причем другие иерархи отстаивали свои взгляды логическими богословскими построениями, а св. Николай опирался на фундамент веры. Апостолы знали и уверовали, что Христос – Бог, значит, и для святителя иного быть не могло.

Суриков В. И. «Первый Вселенский Никейский Собор». Эскиз для росписи храма Христа Спасителя, 1876

Он решительно выступал не только с речами. Очередные доводы Ария прозвучали для архиепископа явным богохульством, и он прямо на заседании отвесил еретику увесистую оплеуху. Многие участники возмутились таким нарушением порядка. Со св. Николая сняли омофор, знак его сана, заключили в башню. Но за него заступился Сам Господь. Епископы получили внушение Свыше, что святитель действовал по Божьей воле. Его выпустили с извинениями, еще больше стали почитать и уважать.

Не менее решительно св. Николай отстаивал земную справедливость. Против императора Константина вспыхнул мятеж во Фригии. На подавление отправили флотилию с войском под командованием воевод Непотиана, Урса и Ерпилиона. Из-за штормов корабли причалили в Ликии у селения Плакомат. Припасы кончались. Солдаты, сходя на берег, начали грабить местных жителей. Те взбунтовались, произошла жестокая драка с жертвами с обеих сторон. Узнав о беспорядках, архиепископ сразу отправился туда. Одно лишь его появление утихомирило страсти. Он указал воеводам, чтобы подтянули дисциплину и не распускали подчиненных, но общался дружески, пригласил пообедать.

В это время долетела другая весть. Пользуясь отсутствием св. Николая, градоначальник Мир Евстафий за взятку приговорил к смерти троих неповинных граждан. Архиепископ помчался обратно, прихватил с собой и троих воевод. Успели в последний момент, когда обреченных уже поставили на колени. Св. Николай безбоязненно прошел сквозь собравшуюся толпу и вырвал занесенный меч из рук палача. Градоначальник сразу заюлил, пытался свалить вину на своих помощников, но святитель видел его насквозь, и Евстафий покаялся, умолял о прощении.

Военачальники, видевшие это, не знали, что вскоре и им понадобится аналогичная помощь. Мятеж они успешно усмирили, император обласкал и наградил их. Но нашлись завистники. Привлекли константинопольского градоначальника Евлавия, щедро подмазав его золотом, и обвинили воевод в заговоре против императора. Константин разгневался, всех троих арестовали и приговорили к смерти. Казалось, выхода уже не было. Но Непотиан, Урс и Ерпилион вспомнили случай в Ликий, обратились с молитвами к св. Николаю. Он явился во сне царю и велел освободить невиновных. В противном случае пригрозил таким восстанием, что мало не покажется. Константин вызвал Евлавия – тот явился перепуганный. Выяснилось, что и к нему приходил во сне св. Николай. Когда правда раскрылась, император объявил военачальникам: «Не я дарую вам жизнь, а великий служитель Божий». Велел им ехать в Миры, отвезти дары для святителя.

Это было не единственное чудо, совершенное на больших расстояниях. Однажды в Ликий случился неурожай, голод. Св. Николай явился во сне итальянскому купцу, нагружившему корабль хлебом. Призвал его плыть в Миры, уплатил в задаток три золотые монеты. Проснувшись и обнаружив их в руке, итальянец был поражен, предпочел выполнить столь необычный заказ. На другом корабле, терпевшем крушение, моряки никогда не видели святителя, только слышали о нем. Вспомнили, что рассказывают о его чудесах, взмолились, и он сам появился на палубе, взялся управлять судном и вывел из бедственного положения. Моряки взяли курс в Миры, чтобы лично поблагодарить спасителя. А св. Николай не преминул указать им – они виновны в грехе любодеяния. Надо бы исправиться, если не хотят попасть в худшую беду.

Саркофаг, в котором предположительно покоились мощи Святителя Николая до перенесения их в г. Бари (Италия)

Около 345 г. архиепископ преставился. Его гробница стала источать благовонное миро, туда потянулись многочисленные паломники, происходили исцеления. Одно из первых посмертных чудес связало св. Николая с территорией нынешней России. Группа людей, живших в устье Танаиса (Дона), тоже решила посетить Миры, снарядила корабль. К ним перед отплытием обратилась незнакомая женщина, сетовала, что не может поехать сама, и просила передать от нее к гробнице драгоценный сосуд. Но на судно обрушились штормы, раз за разом отбрасывали назад. Паломники принялись молиться св. Николаю, и он сам подплыл к ним в лодке. Объяснил, что под обликом женщины скрывался нечистый дух, и мешает им тот самый сосуд. Его выбросили в море, и корабль благополучно достиг цели.

Но, конечно же, единственное упоминание о местах, которые впоследствии вошли в состав России, не могло обеспечить святителю такую исключительную любовь в нашей стране. Сказалось то, что в бедах и напастях он выступает самым скорым помощником. Все знают, насколько часто и быстро он откликается, насколько сильна его молитва перед Господом. Хотя сказывалось и еще одно немаловажное обстоятельство. Святитель по самой своей натуре, по характеру оказывался близок русскому человеку. Служить не себе, а другим. Если помогать ближним – то от всей души, отдать последнюю рубашку. Встать горой за правду, за справедливость. Врагу, задевшему самое святое, без раздумий дать по физиономии. Все это было по-русски. Понятное, родное. Наконец, основным стержнем всей русской жизни являлась вера православная. А св. Николай был ее поборником и защитником. Стоял у самых истоков православия, отстаивал его чистоту.

Кстати, если проанализировать перечисленные особенности, то можно прийти к выводу – в глазах наших предков св. Николай оказывался очень похожим на обычного русского приходского батюшку. Такой же скромный, простой, хорошо знакомый каждому, кто посещает его

храм. Он всегда доступен. К нему практически в любой час дня и ночи можно заглянуть со своими наболевшими трудностями и неурядицами. Он обязательно внимательно выслушает. Что-то посоветует, подскажет. Помолится вместе с тобой, сугубо помянет на ближайшей службе – кому «о здравии», кому «об упокоении». Если нужно, то он постарается выправить семейные проблемы. Выступит ходатаем перед местными властями, а то и перед вышестоящими. Напишет прошение, сам поедет заступиться за несправедливо обиженных.

Но этот небесный батюшка, в отличие от земных, был идеальным. Таким, какими они должны быть – без малейшего порока и недостатка. И к тому же он располагал куда более широкими возможностями, оказывался почти всемогущим. Он мог услышать тебя и спасти при набеге врагов на село, на поле битвы, в кошмаре пожара, в тонущей лодке, в морозной степи, в бескрайних лесах и горах, в смертоносной эпидемии, в голодную годину. А ведь подобные испытания русским людям приходилось терпеть очень часто. Отсюда и видно, почему они настолько почитали Николая Чудотворца.

Его даже называют «русским народным» святым, и он действительно стал таковым. О нем рождались пословицы, поговорки, слагались песни и сказки. Взять хотя бы любопытный сюжет, где он выступает покровителем семейной жизни. Человек ехал через лес и увидел вдруг св. Николая. Святитель вязал лозу, причем ровную, красивую веточку связывал вместе с кривой и колючей. На вопрос, что он делает, ответил: распределяет супружеские пары. Почему лоза разная, пояснил: люди-то бывают разные, добрые и злые. Человек недоумевал, зачем же он соединяет добрых со злыми? Но тот мудро указал: если оба будут злые, вообще жить не смогут. А если оба добрые, жить будут слишком хорошо и гладко, Бога забудут.

Впрочем, и на Западе св. Николай оказался самым популярным святым. Однако там он превратился в фольклорный персонаж, Санта-Клауса. По европейским поверьям, именно он в ночь под Рождество развозит подарки. Эта традиция основана на уже упоминавшемся эпизоде его Жития – когда он подбрасывал мешочки с золотом отцу и трем дочерям. Отец караулил у окна, желая увидеть неведомого благодетеля, и, согласно католической легенде, св. Николай с третьим мешочком влез на крышу, бросил его через дымоход. Узелок упал в сушившийся у очага носок младшей дочери. Отсюда и обычай вешать детские носки для подарков.

Святой Николай – Санта-Клаус

Хотя нетрудно увидеть, что духовная суть в данной традиции оказалась совершенно выхоленной. Ведь св. Николай приносил вовсе не подарки. Он спасал от гибели четыре

человеческие души, очутившиеся на грани падения в бездну. Что ж, в торговой суете и в мареве рекламных огней западных рождественских праздников это забылось. Красное одеяние архиепископа превратилось в маскарадный наряд, шубу и шапочку. Кресты исчезли. Поскольку действие происходит зимой, его атрибутами стали сани, олени. И даже место пребывания святого сменилось. Из Царствия Небесного (или Мир Ликийских – ныне турецкий город Демре, или итальянского города Бари, куда в 1087 г. были перенесены мощи св. Николая) его резиденция фантастическим образом переместилась в финскую Лапландию...

Князь Рюрик – основатель династии

В конце VIII – начале IX в. на северо-западе нашей страны сложился сильный союз нескольких славянских и финских народов: словен, кривичей, чуди, веси, мерян. Его называли Русским каганатом. В ту эпоху подобное название было престижным – люди помнили могущество Тюркского и Аварского каганатов, существовал Хазарский. А титул кагана означал владельца над несколькими народами.

Русские корабли бороздили Балтику. Князь Гостомысл, ставший каганом, налаживал связи с заморскими странами. В данное время славяне населяли и нынешнюю Восточную Германию – ободриты, лютичи, руяне, лужичане и др. Гостомысл выдал свою среднюю дочь Умилу за Годолуба, князя племени рарогов. Оно входило в племенной союз ободритов, занимало перешеек Ютландского полуострова и земли возле его основания. Сейчас на этой территории находятся города Шлезвиг, Любек, Киль – а в описываемое время рарогам принадлежал Рерик, крупнейший порт на Балтике.

Ободриты были союзниками императора франков Карла Великого, во всех войнах выступали на его стороне. Но против Карла готовил удар король Дании Готфрид, заключил союзы с врагами франков – саксами, лютичами, глинянами, смольнянами. В 808 г. он разгромил ободритов. Рерик взял штурмом и сжег, пленного Годолуба повесил. Как сложилась судьба Умилы,

мы не знаем. Может быть, она скрылась, нашла пристанище у соседей. А может, муж успел посадить ее на корабль и отправить к тестю.

Известно одно – у нее был младенец-сын. Не исключено, что он родился уже после смерти отца. В древности имена старались давать со смыслом, а мальчика нарекли в честь погибшего города Рерика, в честь сокола-рого – священного символа племени рарогов. Его звали Рюрик.

В 826 г. в Ингельгейм, резиденцию франкского императора Людовика Благочестивого, прибыли откуда-то два брата – Харальд и Рюрик. Относительно Харальда никаких сведений нет. Был ли он родным братом Рюрика? Или сыном Годолуба от другой жены? Или Умила вторично вышла замуж? Но само их появление при дворе императора понятно. Ведь князья ободритов считались вассалами Карла Великого, и Годолуб погиб, сражаясь на его стороне.

Когда дети выросли, они приехали к сыну Карла за покровительством. Росли они где-то в славянских странах, оба были язычниками. Людовик окрестил молодых людей, лично стал их крестным. При этом Рюрик получил имя Георгий. Права братьев на отцовское наследство император признал, принял их в число своих вассалов.

Князь Рюрик. Гравюра 1805 г.

Но... реально для возвращения наследства он не сделал ничего. Император был занят другими делами, разборками с Бретанью, Хорватией, войной с болгарами, церковными реформами. Даже внутри империи Людовик не мог толком навести порядок. Вместо этого поделил все владения между детьми, Лотарем, Пипином и Людовиком. Но потом овдовевший император пылко влюбился в молоденькую еврейку Юдифь, она произвела на свет четвертого сына

Карла. В пылу чувств к супруге Людовик решил переделить земли. А старшим детям это совсем не понравилось, они взялись за мечи. С 830 г. державу франков разодрали дикие усобицы. Дети дрались против отца, ссорились, вступали в союзы с отцом или друг с другом. Сражения завершились уже после смерти Людовика, в 841 г. великая империя развалилась на три королевства.

Вероятно, Рюрик и Харальд поучаствовали в этих гражданских войнах. Но никто не поддерживал их стремления отбить отцовское княжество. А если император выделил им владения в своей державе, братья их тут же потеряли, поскольку сыновья Людовика Благочестивого несколько раз перекраивали земли, отдавали их своим сторонникам.

Для сирот и изгоев на Балтике открывалась прямая дорога – в варяги. Впрочем, называли их по-разному. В Византии «вэрингами» или «ворингами» – «принесшими клятву». В Скандинавии «викингами» (вик – военное поселение, база). В Англии всех викингов, независимо от национальности, обозначали «датчанами» (эту страну чаще грабили датчане). Во Франции – «норманнами», норвежцами (в буквальном переводе «людьми севера»). Терминами «викинги» или «варяги» определялась не национальность, а род занятий. Это были свободные воины. В зависимости от обстоятельств они разбойничали, служили наемниками. У разных предводителей были собственные отряды. Иногда они объединялись для совместных походов. Иногда резались друг с другом.

В IX в. Балтика превратилась в натуральное пиратское гнездо. Отсюда эскадры выплывали в разные стороны. В 843 г. большой флот норманнов появился у берегов Франции. Они разграбили Нант, разорили земли по реке Гаронне, дойдя до Бордо. Перезимовав, отплыли на юг. Взяли Ла-Корунью, Лиссабон, достигли Африки и напали на город Нокур. А на обратном пути один из отрядов высадился в Испании, взял штурмом неприступную Севилью. Большинство кораблей, участвовавших в этом походе, были норвежскими. Но арабские хронисты Ахмед-ал-Кааф и Ал-Якуби отметили, что варяги, бравшие Севилью, были другой национальности, «ал-рус». Командовали ими братья Харальд и Рюрик.

Имя Харальда впоследствии исчезает из документов. Видимо, он погиб. А Рюрик, судя по всему, крепко обиделся на франков, не выполнивших обещания помочь, презревших память о его казненном отце. В 845 г. ладьи Рюрика погромили города по Эльбе. Затем вместе с норвежцами он захватывал Тур, Лимузен, Орлеан, участвовал в первой осаде норманнами Парижа. Рюрик стал одним из самых известных пиратских вождей, и в 850 г. его избрали предводителем в совместном походе нескольких эскадр. Под его началом 350 кораблей (около 20 тыс. воинов) обрушились на Англию.

Но следующим объектом нападений Рюрика стала Германия. Он принялся систематически опустошать побережье Северного моря, по Рейну совершал рейды в глубь немецких земель. Навел такой ужас, что император Лотарь запаниковал. Чтобы избежать дальнейшего разорения, он вступил с Рюриком в переговоры. Выяснилось, что княжич-варяг совсем не против примириться, но выдвинул ряд условий. Лотарю пришлось принять их. Этот император, как и Людовик Благочестивый, признал право Рюрика на отцовское княжество, согласился считать его своим вассалом. Именно этого Рюрик и добивался. Он набрал силу и авторитет на Балтике, накопил богатую добычу – теперь он мог нанять немало головорезов. А император был обязан поддержать его в войне за утраченное наследство.

Операция началась успешно. Дружины Рюрика высадились на его родине. Свергли князей, ставленников датчан. Он овладел землями княжества и частью Ютландского полуострова, заслужив на западе прозвище Рюрика Ютландского. Но датчане опомнились, призвали союзных лютичей. А император... предал. Испугался войны с Данией и в 854 г., когда князь ввязался в бои, отрекся от него. Мало ли, пиратский вожак полез в драку сам по себе? Рюрик остался перед лицом неприятелей только с собственными силами, терпел поражения. От него начали уходить наемники. Да и ободриты заколебались. Боялись, что датчане и лютичи отомстят. Предприятие закончилось провалом...

Но в это же время произошли важные события по другую сторону Балтики. Скончался Гостомysl. Его сыновья погибли раньше отца. Новгородский архиепископ Иоаким записал предание: незадолго до смерти Гостомysl увидел сон, будто «из чрева средние дочери его Умилы» выросло чудесное дерево, от плода которого насыщаются люди всей земли. Волхвы истолковали, что «от сынов ея имать наследити ему, и земля угодится княжением его». Но исполнилось пророчество не сразу. После смерти князя племена его державы перессорились, «словене и кривичи и меря и чудь всташа сами на ся воевать». Ни к чему хорошему это не привело. По Волге нанесли удар хазары, покорили мерян. А на столицу словен Ладогу (Новгорода еще не существовало) повадились нападать викинги.

Опасность заставила забыть склоки. Старейшины словен, русичей, кривичей, чуди, веси вступили в переговоры, чтобы опять объединиться. Постановили: «Поищем собе князя, иже владел нами и рядил ны по праву». То есть чтобы управлял и судил по справедливости. Никонская летопись сообщает, что было несколько предложений: «Или от нас, или от Казар, или от Полян, или от Дунайчев, или от Варяг». Это вызвало бурные обсуждения. «От нас» – отпало сразу. Друг другу племена не доверяли и подчиняться не хотели. На втором месте стоит «от Казар». В столь крупном центре торговли, как Ладога, существовали подворья еврейских купцов. Конечно, они позаботились сформировать свою партию. Не проще ли отдаться хазарам, платить дань, а они будут «владеть и рядить»? А можно не напрямую от хазар, можно взять князя от полян, хазарских данников.

Вот в этой предвыборной борьбе и всплыла легенда про вещий сон Гостомysла, как бы его «политическое завещание». Хотя нельзя исключать, что сновидение с чудесным деревом попросту придумали в пылу споров, стараясь подкрепить кандидатуру Рюрика. Что ни говори, его фигура выглядела оптимальной. Он был внуком Гостомysла по дочерней линии, знаменитым воином, его имя гремело на Балтике. Ко всему прочему он был изгоем. Князем без княжества! Должен был целиком связать себя с новой родиной. Все «плюсы» сошлись, а поползновения хазар и купленных ими бояр удалось преодолеть.

Глазунов И. С. «Внуки Гостомысла: Рюрик, Трувор, Синеус». Центральная часть триптиха. 1986

О Рюрике в Ладоге знали. Направляя посольство за море, представляли, где его искать. Звали к себе: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет – идите княжить и владеть нами» (иногда данную фразу переводят ошибочно, «порядка в ней нет», но слово «наряд» означает власть, управление). Что ж, для Рюрика приглашение оказалось более чем кстати. Он всю жизнь мечтал отвоевать отцовское княжество, но остался у разбитого корыта. Ему уже перевалило за сорок пять. Бесприютная жизнь по чужим углам и варяжским кораблям становилась не по возрасту. Он согласился.

В 862 г. Рюрик прибыл в Ладогу (летописи составлялись значительно позже, в них часто встречаются анахронизмы, вместо Ладоги называют привычный летописцам Новгород). Предание гласит, что с Рюриком явились два брата, Синеус и Трувор. В западных хрониках они не упоминаются, но вполне может быть, что братья у него имелись – у варягов существовал обычай побратимства, оно считалось не менее прочным, чем кровное родство. Хотя есть и другое объяснение – что летописец всего лишь неправильно перевел текст норвежского первоисточника: «Рюрик, его родственники (*sine hus*) и дружинники (*thru voring*)». То есть речь идет о двух его отрядах. Один состоял из соплеменников, после поражения сохранивших верность ему и ушедших на чужбину. Второй – из наемников-викингов.

Приняв княжение, Рюрик сразу позаботился понадежнее прикрыть свои границы. Один из отрядов направил к кривичам в Изборск. Этот форпост держал под наблюдением водные дороги через Чудское озеро и реку Великую, прикрывал княжество от набегов эстонцев и латышей. Другой отряд расположился в Белоозере. Он контролировал путь на Волгу, взял под защиту племя весь от Хазарского каганата. А после того, как новый властитель осмотрелся на новом месте, он повел себя очень активно. Правильно оценил, кто является главным врагом его державы, и начал войну против Хазарии.

Его воины из Белоозера двинулись на Верхнюю Волгу и взяли Ростов. Большое племя меря, населявшее междуречье Волги и Оки, сбросило иго хазар и перешло под руку Рюрика. На этом князь не остановился. По рекам его флотилии продвинулись дальше и в 864 г. овладели Муромом. Еще одно финское племя, мурома, подчинилось Рюрику. Присоединение двух важных городов отметили не только русские летописи, о войне Хазарии с Ладогой упоминает «Кембриджский аноним».

Хазарам пришлось крепко понервничать. Уж кто-кто, а их купцы торговали по всему свету, они знали, какие сокрушительные удары могут наносить варяжские десанты. Но ведь войны ведутся не только мечами и копьями. В Ладоге уже существовала прохазарская партия, через нее иудейские купцы пытались повлиять на выборы князя. Теперь ее снова использовали, разжигая среди словен недовольство Рюриком. Найти поводы было не столь уж трудно. Ладожские бояре рассчитывали, что приглашенный князь будет править по их указке – куда он денется в чужой стране? Но Рюрик не стал марионеткой, он взялся укреплять централизованную власть. Содержание наемников требовало средств, подданным приходилось раскошеливаться. А ближайшее окружение князя составили ободриты и норвежцы. Словом, пришли чужеземцы и сели на шею...

Хазарская агитация достигла цели. В 864 г., когда армия Рюрика находилась на Волге и Оке, в тылу у него вспыхнуло восстание под руководством некоего Вадима Храброго. Летопись сообщает: «Того же лета оскорбишася новгородци, глаголюще: тако быти нам рабом, и много зла всячески пострадати от Рюрика и от рода его». Да, еще в те времена были выработаны знакомые нам схемы: в разгар войны возбудить людей бороться за «свободы» и «права человека». Но стоит обратить внимание, кривичи и финские племена словен не поддержали. А князь действовал оперативно и жестко. Мгновенно примчался в ладожский край и подавил

бунт. «Того же лета уби Рюрик Вадима Храброго и иных многих изби новгородцев съветников его» (светников – то есть соучастников). Уцелевшие заговорщики бежали. Кривичи в Смоленске отказались их принять, они проследовали дальше: «Того же лета избежаша от Рюрика из Новгорода в Киев много новгородцких мужей». Мужами называли никак не просто народье, а знать – восстание учинила богатая верхушка.

В Киев они бежали не случайно. Там возник центр противостояния с Рюриком. Двое предводителей наемных варяжских дружин, Аскольд и Дир, отделились от князя, решили поискать другие промыслы. Направлялись в Грецию, но по дороге увидели Киев, подконтрольный хазарам, внезапным налетом овладели им. Попытались использовать его как базу для пиратских набегов – так поступали все викинги. Совершили походы на племя полочан, на Византию, Болгарию. Но болгары их побили, экспедицию на Константинополь разметала буря, Полоцк после перенесенных ужасов обратился за защитой к Рюрику. Да и хазары не склонны были прощать утрату Киева. Напустили на пришельцев своих союзников, печенегов. Аскольд с Диром задержались, принялись выкручиваться. В 866 г. они согласились признать себя вассалами византийского императора, даже принять крещение. Греческие дипломаты заступились за них перед хазарами, и они тоже согласились мириться. Но с условием – выступить против Рюрика.

Варяги выполнили заказ. Ударили на подданных князя, кривичей, захватили Смоленск. Правда, развить успех не сумели, их остановили. Но цель Византии и Хазарии была достигнута, они стравили Ладогу и Киев. Поэтому Рюрик не стал продолжать боевые действия против каганата. Отправь он войска на Волгу, ему угрожал бы удар по тылам, с Днепра. Одолеть Аскольда и Дира тоже было непросто, за ними стояли две великие державы.

«Правление Аскольда и Дира в Киеве» Радзивилловская летопись

А соучастники Вадима Храброго окопались в Киеве, выжидали удобного момента снова посеять смуту. Поразмыслив, Рюрик согласился заключить мир со своими противниками.

Он занялся внутренним устройством государства. Налаживал структуры управления, назначил наместников в Белоозеро, Изборск, Ростов, Полоцк, Муром. Начал повсюду «грады ставити». Они служили опорными пунктами администрации, защищали подвластные племена. Особое внимание князь уделял обороне со стороны Балтики. Во второй половине IX в. разгул викингов достиг наивысшей точки. Они затерроризировали Англию, то и дело жгли германские города по Эльбе, Рейну, Мозелю, Везеру. Даже Дания, сама по себе пиратское гнездо, была совершенно разорена варягами. И только на Русь после прихода Рюрика не было ни одного

вторжения! Она единственная из европейских государств, имевших выходы к морю, обрела безопасность от балтийских хищников. В этом была несомненная заслуга князя.

Правда, варяги стали появляться на Волге, но приезжали они для торговли пленными. Так что и Хазария в накладе не осталась. С Балтики хлынул поток «живого товара», который хазары скупали оптом и перепродавали на рынки Востока. Но и для Руси транзит получался выгодным. Казна обогащалась пошлинами. Князь мог строить крепости, содержать войско и защищать подданных, не обременяя их высокими налогами. А сами подданные могли за хорошую цену сбывать проезжающим варягам и купцам хлеб, мед, пиво, рыбу, мясо, ремесленные изделия, покупать европейские и восточные товары.

Рюрик, как и Гостомысл, принял титул кагана (в буквальном переводе «великий» – позже на Руси два титула слились, «великий князь»). Женат он был несколько раз. Первую его супругу звали Руцина, она была из прибалтийских русов. Второй была германка или скандинавка Хетта. Об их судьбе и потомстве никакой информации не дошло. А в 873–874 гг. ладожский государь побывал за рубежом. Он совершил весьма масштабное для того времени дипломатическое турне по Европе. Встречался и вел переговоры с императором Людовиком Немецким, королем Франции Карлом Лысым и королем Лотарингии Карлом Смелым. О чем шла речь, история умалчивает. Но Людовик Немецкий враждовал с Византией. А Рюрик исподволь готовился к борьбе за Южную Русь, ему нужны были союзники против греков, захомутавших в свои сети Киев.

Медаль в память брачного союза с Ефандой, княжной урманской. Конец XVII – начало XIX вв.

На обратном пути князь посетил Норвегию. Здесь он присмотрел себе третью жену, норвежскую принцессу Ефанду. По возвращении в Ладогу сыграли свадьбу. Молодая супруга родила Рюрику сына Игоря. А правой рукой и советником князя стал брат Ефанды Одда, известный на Руси как Олег. Хотя может быть и так, что он еще раньше был приближенным государя и сосватал ему сестру. В 879 г. бурная жизнь Рюрика подошла к концу. Он начинал ее несчастным сиротой и изгоем – завершал повелителем многих городов и земель от Финского залива до Муромских лесов. Командовал горсткой бойцов на борту пиратского корабля – а умирал во дворце, окруженный домочадцами, сотнями придворных и слуг. Наследником остался сын Игорь, но он был еще ребенком, и место регента занял его дядя Олег.

О качествах Рюрика как правителя свидетельствуют последующие события. После его смерти держава не распалась, как нередко случалось с древними царствами. Подданные не бунтовали, не выходили из повиновения. Через три года Олег повел на Киев не только свою дружину, но и многочисленное ополчение словен, кривичей, чуди, веси, мерян. Значит, Рюрик и его преемник сумели заслужить популярность в народе, их власть признавали законной и справедливой.

Кстати, в это время уже существовала Москва. Она еще не упоминалась ни в одной летописи, и мы даже не знаем, как она называлась. Но она была. Ее выявили раскопки на территории Кремля. Под слоем, который относился к постройкам Юрия Долгорукого, ученые обнаружили остатки более древнего города. Он был довольно развитым и благоустроенным, с крепостными стенами, деревянными мостовыми, а одна из площадей была вымощена совершенно необычным образом, бычьими черепами. На улице «пра-Москвы» археологи нашли две монеты: хорезмийскую 862 г. и армянскую 866 г. Это эпоха Рюрика.

Почему Олег был «Вещим»?

Нет, недооцениваем мы своих предков. На слишком примитивном уровне привыкли рассматривать их дела. Так, из летописей известно, что объединить северную, Новгородскую Русь с южной, Киевской, довелось Вещему Олегу – регенту при малолетнем князе Игоре и его дяде. Мы уже упоминали, что он явно пользовался народной поддержкой, поэтому смог собрать большое ополчение и в 882 г. возглавить поход на Днепр. Он нигде не встретил серьезного сопротивления. Киевских правителей Аскольда и Дира хитростью выманил на берег и убил, заняв и сам город.

Олег I Вещий. Портрет в Радзивилловской летописи

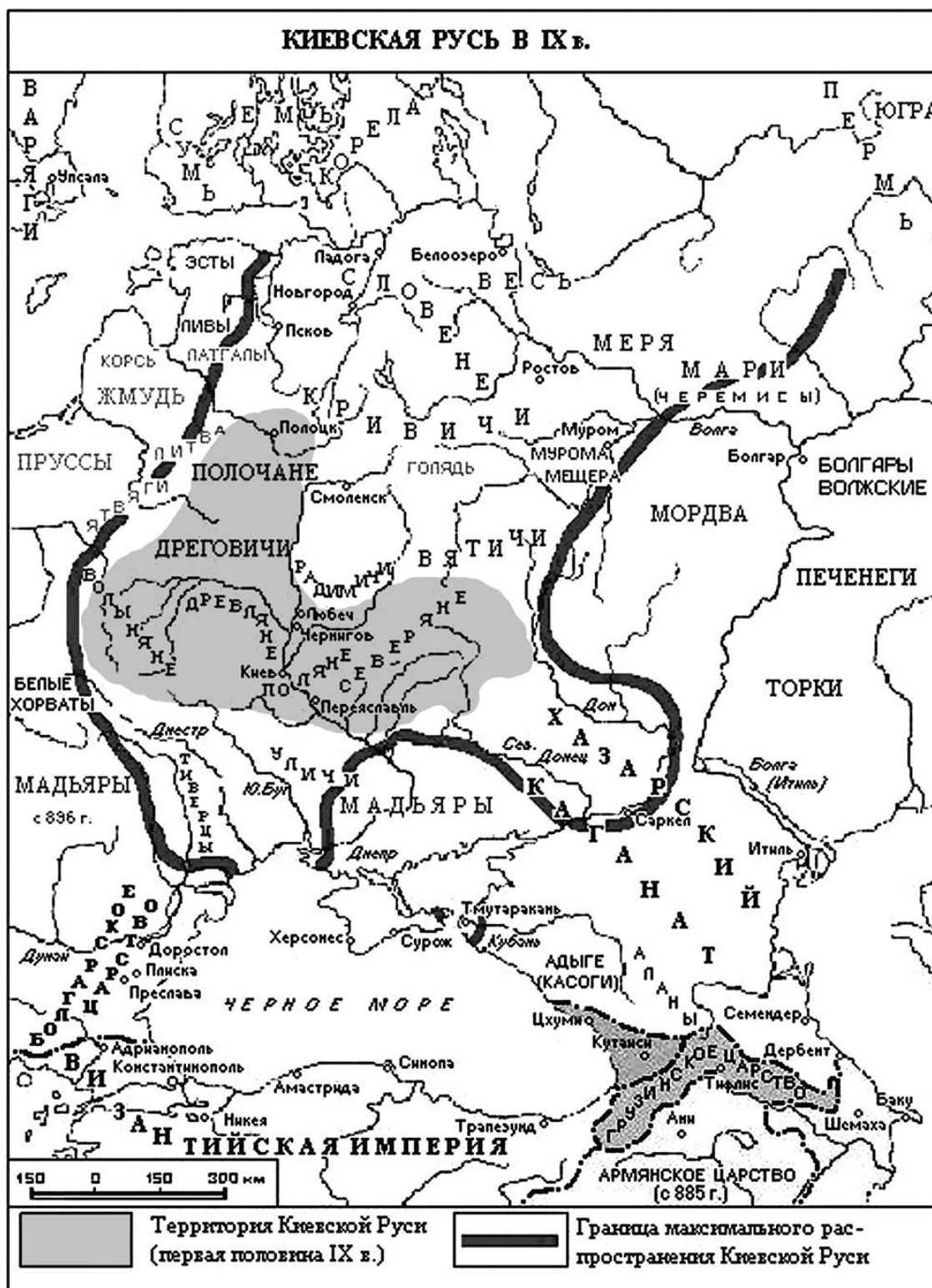
Но летописи очень лаконичны. Они сообщают нам лишь скудные факты, излагают их весьма сжато. Так, в 883 г. Олег совершил поход на древлян и покорил их, в 884–885 гг. без боя подчинил северян и радимичей, данников Хазарского каганата, а затем начал жестокую и затяжную войну с тиверцами и уличами. В это время Киев подвергся мадьярскому нашествию, которое удалось отразить. Потом каким-то образом в состав державы Олега вошли дулебы и белые хорваты, обитавшие на Волыни и в Прикарпатье. И наконец, в 907 г. (по другим источ-

никам – в 904 г.) он нанес победоносный удар по Византии, в результате которого был заключен договор между русичами и Константинополем.

Однако если мы сопоставим эти данные с зарубежными хрониками, картина будет выглядеть намного сложнее. Потому что в IX в. в Причерноморье и на юге нынешней России существовало несколько сильных государств. Византия, Болгария, Хазария, кочевые племена мадьяр, а за Волгой – печенеги. Греки и болгары постоянно воевали между собой. При этом византийская дипломатия заключала союзы с мадьярами. Хазары поддерживали с Константинополем неплохие отношения, но с мадьярами враждовали, нанимали против них печенегов. В прошлой главе мы рассказывали, как в эти хитросплетения ворвались варяги Аскольд и Дир. Сперва перессорились со всеми, потом спохватились, как бы удержаться, обратились за покровительством к Византии, даже приняли крещение – в то время это означало, что они признали себя вассалами греческого императора.

А на Хазарию во второй половине IX в. посыпались неудачи. В 860–861 гг. она проиграла войну с мадьярами, между 862 и 864 г. новгородский князь Рюрик отобрал зависимые от нее Ростов и Муром. К тому же могущество и благополучие каганата базировалось на международной торговле – он располагался на перекрестке важнейших путей, связывающих страны Европы и Азии, и служил на этих путях главным перевалочным пунктом. А в 870-х гг. запыхало масштабное крестьянское восстание в Китае. Оборвался транзит шелка – один из важнейших источников дохода здешних купцов.

Хазарские властители попытались каким-то образом компенсировать убытки – проще всего казалось расширить объемы работорговли. Каганат активизировал охоту за людьми среди окрестных народов, в том числе стал совершать экспедиции на печенегов. Благо, их было 8 кланов – можно враждовать с одними и сохранять дружбу с другими. Но в данном случае подобная дипломатия не сработала. Печенеги возмутились, объединились, и на каганат обрушились их яростные набеги. А чтобы защититься, хазары принялись искать дружбы с мадьярами. С помощью византийцев с ними удалось договориться. Мадьяры в это время находились на вершине успехов, вторгались в Центральную Европу, докатывались до Эльбы.

Но и Болгария, в свою очередь, искала союзников против Византии и венгров, принялась наводить мосты с Германией. Назревала большая война. И как раз в этот момент в противоборство вмешалась новая могучая сила – Русь Вещего Олега. Формальных договоров до нас не дошло, но все его действия однозначно свидетельствуют: он стал союзником болгар. Мало того, наводил контакты и с другими противниками каганата, печенегами. Фактически связал врагов Византии и Хазарии в единую коалицию.

Посудите сами: в Киеве он свергает и казнит провизантийских правителей. Сразу после этого идет на древлян. По карте нетрудно увидеть, что таким шагом он не только расширил свои владения, но и расчистил по Припяти дорогу к западным союзникам – Германии, зависимой от нее Моравии и к Болгарии. Затем он совершил поход на хазарских подданных, северян и радимичей, и при этом не скрывал, что объявляет каганату войну. Согласно летописи, он объявил северянам: «Я *враг* им (хазарам), а не вам». Поэтому кампания стала легкой и почти бескровной. Народы, угнетенные каганатом, просто перешли на его сторону.

А вот с уличами и тиверцами ему пришлось драться – они были не данниками, а союзниками хазар и венгров. Силы остальных противников в данное время были связаны на других фронтах: хазары сражались с печенегами, византийцы – с болгарами. В 887 г. каганат сумел заключить союз с гузами (предками туркмен) и нанес печенегам жестокое поражение. Но они вдруг отступили не на восток, а на запад! Хотя, казалось бы, сами влезали таким образом между двух врагов, хазар и мадьяр.

Нет, места у южных границ Руси печенеги явно сочли более надежными и безопасными, чем зауральские степи. В 889 г. они переправились через Волгу и двинулись в Причерноморье. Княжеские дружины не прогнали их, дозволили остановиться в степях по соседству с землями северян. Печенеги тоже не трогали славянские селения. Завязались переговоры, и с кочевниками нашли общий язык. Болгарский царь Симеон, как и Олег, тоже искал союзников. Патриарх Николай Мистик писал, что он задумал поднять на Византию множество народов «до самых Геркулесовых столпов» – пересылался посольствами с Германией, арабскими пиратами, с теми же печенегами. Обе коалиции готовились к решающей схватке.

Начали ее византийцы. В 893 г. их армия вместе с хазарами и мадьярами вторглась в Болгарию. Царь Симеон отбросил врагов. Тогда греческий император Лев X выслал на Дунай флот, который перевез на болгарскую территорию всю мадьярскую орду. В первом же сражении она опрокинула войско Симеона, его полки бежали и укрывались по крепостям, а венгры рассыпались по стране и подвергли ее страшному опустошению. Повсюду горели села, церкви, кружилось воронье над горами обезображенных крестьянских тел. Но на севере у болгар имелись друзья, русичи и печенеги. Они ударили по тылам мадьяр. Узнав об этом, орда прекратила безобразничать и спешно поскакала домой, защищать свои кочевья. А Болгария оправилась от поражения и перешла в наступление. В 896 г. в битве при Булгарофиге Симеон разметал и порубил императорскую армию.

Что ж, если не получилось справиться с болгарами, греки и хазары изменили планы. Решили разгромить и вывести из игры другого противника – Русь. В 897 г. вся масса мадьярской конницы во главе с воеводой Алмушем обрушилась на земли славян, подступила к Киеву. Константин Багрянородный позже писал, что венгры в этом походе «выполняли повеление их сюзерена Хазарии» (умолчав, что они выполняли и заказ Византии). Но Киев устоял, взять его неприятели не смогли. А тем временем печенеги и болгары налетели на становища мадьяр. Разорили кочевья, захватили скот, жен и детей. Орда очутилась между молотом и наковальней, и ее вообще погнали прочь из родных мест.

Разбитые венгры покатались на запад, стали уходить за карпатские перевалы. Когда отступающие кочевники хлынули в Моравию, здешние князья объединились с немцами. Но моравские князья и германские военачальники рассудили, что с «дикарями» не стоит церемониться. Надо лишить их руководства, и победа обеспечена. Пригласили мадьярских вождей для переговоров, устроили для них пир и перебили. Вышло совсем иначе, чем думалось. Венгры озверели и смели славяно-германскую армию, пленных не брали. Константин Багрянородный писал: «Угры совершенно истребили мораван, заняли страну их и владеют ею до настоящего времени». В центре Европы возникла Венгрия.

Поход Олега на Царьград. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Вещий Олег тоже не упустил своего. Преследуя и вытесняя мадьяр, он присоединил к Руси Волынь и Прикарпатье, ему подчинились племена дулебов и белых хорват. Но подлыми методами он не пользовался. Напротив, предложил венграм примириться – мы вас не будем трогать, а вы нас. Изгнанники это оценили. Обживать на новых местах было трудно, и безопасность карпатской границы для них много значила. Но и для Руси подобный дипломатический поворот оказался крайне полезным. Из Паннонии орды мадьяр раскатились набегами по всем европейским странам, врывались даже в Италию, и лишь на русские владения они не ходили ни разу.

Ну а после того, как Олег и его союзники разобрались с венграми, они нанесли удар по Византии. Летописи сообщают, что поход был грандиозным. Конная рать князя шла по берегу Черного моря, 2 тыс. кораблей везли пехоту. Такой флот мог взять на борт 80—100 тыс. человек. Очевидно, цифра преувеличена, но Русь поднялась в полный рост и двинула на врага все силы. За Дунаем Олег соединился с армией болгарского царя Симеона. А со Средиземного моря плыли на Грецию многочисленные эскадры предводителя арабских пиратов Льва Триполита.

Большинство византийских авторов об этой кампании не упоминают. Хотя их молчание вовсе не случайно, а закономерно. Греки старательно заботились о том, чтобы «сохранить лицо» в истории, и никогда не писали о своих поражениях. Опускали в хрониках проигранные сражения, потерю целых провинций. О том, что они были утрачены, мы узнаем только из восторженных победных реляций, когда тот или иной город или область отбивали обратно. А если о неудачных войнах все же рассказывали, то события подправляли и приукрашивали, чтобы поражения выглядели победами. О наступлении Вещего Олега, болгар и арабов кратко обмолвился лишь один византийский историк, Псевдо-Симеон. Отметил, что в июне 904 г. Лев Триполит сделал попытку напасть на Константинополь, но флот адмирала Имерия отразил его. Одновременно с севера напали русы. Их разбил флот Иоанна Радины. У мыса Трикефал сжег их суда «греческим огнем», и лишь часть неприятелей сумела спастись благодаря сверхъестественным способностям их вожда, «колдуна Росса».

Действительность была несколько иной. Армада кораблей Льва Триполита в июне 904 г. напала на берега Малой Азии, захватила и разграбила Атталию, потом причалила к острову Абидос возле самых Дарданелл. Лев X выслал два флота, друнгария Евстафия и адмирала Имерия, но оба трусливо уклонились от боя и направили свои корабли подальше от пиратских флотилий. Однако Триполит не пошел на Константинополь, он выбрал более легкую добычу – Солунь (Салоники). Это был второй по величине и богатству город Византии. Один из горожан, Иоанн Комениата, описывал, как 29 июля арабы ринулись на штурм, овладели Солунью и грабили ее 10 дней. Увезли 22 тыс. пленных, а перед уходом Триполит еще и вступил в переговоры с греческой администрацией, содрал большой выкуп за то, что не подожжет город. Вот так византийцы «отразили» пиратов.

А император и его военачальники не могли оказать помощи Солуни, потому что с севера в это время приближались войска Симеона и Олега. Что касается «колдовства» вождя «Росса», то его суть поясняют русские летописи. Когда появились тяжелые неприятельские корабли с «греческим огнем», Олег нашел способ уберечься от них. Приказал вытащить ладьи на берег. Там двигались его конница и обозы, и князь велел поставить лодки на повозки, везти по суше. Противостоять соединенным силам болгар и русичей Лев X был не в состоянии. Выслал делегации для переговоров. Впрочем, в запасе у императора имелось еще одно оружие. Почему бы не предложить «варварам» отравленные угощения? Но «колдун» Олег оказался не таким простаком, как представляли «цивилизованные» греки, распорядился не принимать от врага еду и напитки. Пришлось признать поражение, идти на уступки и откупаться.

Олег прибывает щит свой к вратам Царьграда. Гравюра Ф. А. Бруни, 1839

И если византийские историки дружно «не заметили» своего позора, то красноречивое свидетельство об этом все же дошло до потомков. В 1898 г. в селении Нарышкей в 20 верстах от Солуни была найдена каменная колонна, надпись на ней указывала, что это – пограничный

столб, обозначающий новую границу «между болгарами и ромеями». Поставлен он был именно в 904 г., «по соглашению» между обеими сторонами! Лев X отдал Симеону значительную территорию. А Солунь находится гораздо южнее Константинополя – следовательно, возле византийской столицы победители тоже побывали. И Олег отметил это, повесив свой щит на воротах Царьграда. Греки выплатили русичам немалую дань, по 12 гривен (2,4 кг) серебра на каждого воина. Вдобавок отстегнули «уклады» на города Киев, Чернигов, Переяславль, Ростов, Любеч и другие, «где властвуют князья, Олеговы подданные». Это было первым актом международного признания Руси и ее территориальных приобретений.

Полномасштабный мирный договор между империей и Русью был заключен в 907 г. Летописцы не зря уделяют ему особое внимание, передают текст полностью. Потому что в византийских архивах ни одного «проигрышного» договора не сохранилось. Они заключались с персами, аварами, болгарами, арабами, но через какое-то время подобные документы уничтожали. Однако исследователи однозначно доказали, что договоры с Русью подлинные. Анализ языка и фразеологии установил, что это переводы с греческого, в них встречаются типичные канцелярские обороты, которые употреблялись византийскими чиновниками.

Согласно договору 907 г., император принимал Русь в число «друзей и союзников». Это был условный дипломатический термин. В завуалированной форме он означал, что Константинополь обязуется платить «друзьям» ежегодные субсидии, то бишь дань. А за это союзник должен помогать империи. Важнейшее место в договоре отводилось торговле. Русь была очень заинтересована в ней, и греки даже требовали, чтобы в Константинополь входило одновременно не более 50 русских купцов. Но условия для них предоставили самые что ни на есть льготные. Дали право торговать беспошлинно, отвели им подворье в предместье св. Маманта, на полгода их обеспечивали бесплатным питанием, да еще и на обратный путь безвозмездно выделяли еду, корабельные снасти, якоря и паруса! Русь получила все, чего только могла пожелать.

Примерно в это же время, в 907–908 гг., был заключен мир и с Хазарией. Магьяр выпроводили, Византия капитулировала, а воевать без союзников каганату было совсем не сподручно. Хазарскому царю Вениамину пришлось признать, что северяне и радимичи стали подданными Олега, пришлось даже согласиться пропускать русские военные флотилии по Волге на Каспийское море. При переговорах с хазарами не были забыты и дружественные печенеги, они получили возможность вернуться на родину, в волго-уральские степи.

В целом же в коалиционных войнах конца IX – начала X в., сотрясших и перемешавших юго-восток Европы, Русь получила максимальный выигрыш из всех участвовавших сторон. По-видимому, как раз мудрая внешняя политика, умелая дипломатическая игра и грамотное использование ситуации, сделавшие возможным такой успех, принесли Олегу прозвище «Вещего».

Реформы св. княгини Ольги

В первой половине X в. на Руси еще не существовало постоянных административных структур. Князья и их наместники лично ездили в полюдья. Отправлялись каждую осень, двигались от селения к селению, собирали с населения «дань», т. е. подати. Попутно решали накопившиеся вопросы, судили, разбирали тяжбы. Изменила положение св. равноапостольная княгиня Ольга.

Н. А. Бруни. «Святая великая княгиня Ольга». 1901

Кстати, этот исторический образ весьма интересен, однако возникают и неясные вопросы.

Исследователи давно уже обратили внимание на нестыковку в летописях. Вещий Олег женил князя Игоря на Ольге «из знатного варяжского рода» в 902 г., а через 40 лет у Ольги рождается единственный сын, она предстает молодой, энергичной, красивой. Впрочем, разгадка довольно проста. Речь идет о разных женщинах. Если первая Ольга была из варяжской знати, то вторая – простой деревенской девушкой из племени кривичей, об этом сообщают ее Житие, Никоновская летопись, о том же писал легат римского папы, видевший княгиню в Константинополе.

В общем-то, надо учитывать, что Ольга – не личное имя, а тронное. Титул, употребляемый вместо имени. Как, кстати, и Олег (Хельги). В буквальном переводе – «священный». Он означал одновременно вождя и жреца. Соответственно, и Ольга (Хельга) – священная, правительница и жрица. В скандинавских сагах целые цепочки «Хельги» сменяют друг друга. Впрочем, и на Руси Олег, как и Ольга, был не один. Если Вещий Олег умер в 912 г. и был похоронен в Киеве, то в 922 г. летописи упоминают о смерти еще одного правителя по имени Олег, он скончался в Ладоге, его могила известна и доныне.

Чтобы не возникло путаницы, имеет смысл вспомнить: хотя князь Рюрик происходил из прибалтийских славян-ободритов, важную роль при нем играла норманнская знать. Вещий Олег стал не только регентом в малолетстве Игоря, он фактически перехватил власть и правил пожизненно. Причем система двоевластия сохранилась и после его смерти. Ибн-Фадлан, тесно общавшийся с русичами в начале 920-х гг., рассказывал, что у них два правителя. «Царь» жил в великолепном дворце, ему воздавались высшие почести. Но практическими вопросами управления он не занимался. У «царя» был заместитель, «халиф», который командовал армией, правил суд и вел дела с подданными.

После Вещего Олега на пост «хельги» выдвигались другие временщики из варяжской верхушки. Возможно, они переняли опыт в Хазарском каганате, где существовала аналогичная система двоевластия.

Сазонов В. К. «Первая встреча князя Игоря с Ольгой». 1824

Что касается св. Ольги, то предания сообщают: ее первое, славянское имя было Прекраса, она выросла в деревне Выбуты под Псковом. Великий князь Игорь познакомился с ней на охоте. Отбился от свиты, увидел девушку в лодке и велел перевезти его. Но когда разглядел, насколько она красива, и попытался дать волю рукам, получил крепкий отпор. Перевозчица пригрозила выбросить его за борт. А это было серьезно – у кривичей женщины были сильными, даже сражались в поединках. Археологи выяснили, что каждая носила на поясе внушительный

тесак. Объяснение, кого она везет, не подействовало, девушка осталась неприступной. Но тем более она запала в душу князю. Игорь действительно влюбился в нее – и сделал предложение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.